

Ордоков Адемир Мухамедович

Магистрант

Направление: Юриспруденция

Магистерская программа: Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

**Актуальные проблемы коллективного следствия в уголовном
судопроизводстве России**

Аннотация. В статье исследуются проблемные вопросы качества проведения предварительного расследования. Основываясь на имеющихся в юридической науке основных положениях, нами было указано главные и особо важные для уголовного процесса недостатки коллективного следствия в уголовном судопроизводстве России. А также были сформулированы рекомендации, направленные на повышение качества предварительного расследования при расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: следователь, предварительное следствие, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, дознание, следствие, коллективное следствие.

Функцию обеспечения законности и эффективности деятельности следователя (дознателя) должен выполнять субъект, который не замкнут внутри системы досудебного производства, а связан с последующими стадиями процесса, на которых качество предварительного расследования получает оценку, и призван это качество обосновывать, сущность назначения субъекта, несущего перед судом ответственность за качество расследования. Эту ответственность согласно правовой позиции Конституционного суда Российской Федерации несет прокурор, причем вне зависимости от формы предварительного расследования. В ходе дознания он имеет для этого необходимые и достаточные полномочия: надзирает и контролирует действия

дознателя, вправе давать указания (причем не только для обеспечения законности, но и в целях повышения эффективности дознания), отменять постановления, согласовывать отдельные решения и т. д.

В отношении следователя эти полномочия в полном объеме имеет руководитель следственного органа, следовательно, он и должен отвечать за законность и эффективность предварительного следствия, с чем не согласен Конституционный суд. Вот в этом вопросе и видится основная проблема – где же нет логики: в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (далее – УПК РФ) [1] или в позиции Конституционного суда?

Ясно, что прокурор, который по своему предназначению должен обеспечивать качество следствия, не имеет для этого действенных средств.

В обосновании целесообразности сложившегося положения иногда приводят данные статистики, которые свидетельствуют, что число лиц, привлеченных к уголовной ответственности незаконно и необоснованно, в последнее десятилетие снизилось. Однако есть и другие показатели. Так, в процентном отношении остается достаточно стабильной доля уголовных дел, возвращаемых судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, и прокурором следователю для дополнительного расследования. Для уголовных дел, расследованных следователями органов внутренних дел, соответственно около 0,5 и 4% от общего количества расследованных уголовных дел [4, с. 22]. Большим остается и количество жалоб в суд на действия должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование (на протяжении ряда лет – в пределах 130 тыс. ежегодно). Увеличивается количество нарушений в деятельности следователей, выявляемых прокурорами [5; 7; 9]. Кроме того, на статистические показатели могут влиять разные факторы: и общее снижение количества зарегистрированных преступлений, и возрастающие объемы внепроцессуального взаимодействия прокурора со следователями и руководителями следственных органов, и массовое рассмотрение уголовных дел в судах в особом порядке.

Сегодня руководитель следственного органа, сочетающий административные и процессуальные полномочия, стал полновластным «хозяином» предварительного следствия, для которого не являются обязательными и требования прокурора.

Ситуация действительно, как замечает А.Б. Соловьев, «...пародоксальная по своей нелепости» – руководитель следственного органа заинтересован «в благоприятных показателях работы подчиненных ему следователей», но он «одновременно контролирует законность их деятельности», т. е. «он «надзирает» за своей же деятельностью, причем с позиций личной заинтересованности...» [8; 10, с. 375]. Это верно. Руководитель следственного органа выполняет ту же функцию, что и следователь и неважно, как ее именовать: обвинением, уголовным преследованием или предварительным расследованием. Следователь при таком объеме процессуальных и административных возможностей своего руководителя – его помощник, исполнитель, «младший» следователь, член «следственной группы, в которой постоянный руководитель» – его административный начальник. В целом такая «группа» обладает процессуальной самостоятельностью, а сам следователь, конечно, нет.

Осуществляя надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, прокурор должен иметь равные и эффективные процессуальные возможности обеспечивать качество деятельности как дознавателя, так и следователя. Предмет его заботы – не только законность: в ч. 1 ст. 37 УПК РФ речь идет о надзоре за процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование, а не только за ее законностью. Прокурор должен обеспечить и эффективность ее. Этого от него требует основное предназначение прокуратуры в стране еще со времен Петра I – обеспечить законность, а это значит добиться привлечения к уголовной ответственности лица, действительно виновное в совершении преступления, если таковое было совершено. О.Я. Баев, который доказывает, что основной функцией прокурора является уголовное преследование, точно

заметил: «... Полномочия прокурора в стадии предварительного расследования преступлений в настоящее время в сущности сводятся к одному: не ущемляя самостоятельности следователя, руководить действиями последнего так, чтобы результаты предварительного расследования обеспечивали ему в дальнейшем возможность законного и обоснованного выдвижения против конкретного лица государственного обвинения в совершении конкретного преступления...» [2, с. 474]. Заметим лишь, что прокурор осуществляет уголовное преследование и руководит расследованием, обеспечивая законность в стране, т. е. реализуя функцию надзора в широком смысле.

Прокурору нужны реальные полномочия по руководству предварительным следствием для обеспечения его законности и эффективности. Это обычная функция прокурора, которая присуща ему в большинстве стран мира, не чужда и исторически и России. Именно ее выполнял прокурор согласно Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. «Не пора ли, соблюдая исторические традиции, вернуть прокурору возможность полноценно осуществлять возложенную на него функцию уголовного преследования, которую ... как в прошлом, так и в настоящее прокурор как носитель обвинительной власти, осуществлял и осуществляет в большинстве стран мира?», – спрашивал С.А. Шейфер [11].

В случае возвращения прокурору реальных полномочий по обеспечению законности и эффективности предварительного следствия, полномочия руководителя следственного органа, фактически представляющего «следственную» группу, целесообразно ограничить только контрольными.

Процессуальная функция обеспечения законности и эффективности предварительного расследования, как при производстве дознания, так и при производстве предварительного следствия должна выполняться прокурором. Руководитель «постоянно действующей следственной группы», коим сегодня фактически является руководитель следственного органа ее выполнять не должен.

Собственная следственная практика и последующий опыт изучения уголовных дел автора позволяет сделать вывод о том, что еще лет 20 назад достаточно широко применялись условно названные «обеспечительными» отдельные поручения следователей органу дознания: участковым уполномоченным и подразделениям по делам несовершеннолетних о сборе характеризующих данных на подозреваемого-обвиняемого (получении характеристики с места жительства и работы, сведений о судимости).

Развитие коммуникативных технологий, в том числе создание разнообразных онлайн баз данных и обеспечение доступа к ним правоохранительных органов, фактически изжило необходимость направления таких поручений. Трудозатраты следователя на составление такого поручения аналогичны направлению собственноручного запроса, а временные затраты и срок ожидания результатов при поручении существенно увеличиваются. Кроме того, существенное изменение общественного устройства, широкое распространение внутренней и внешней миграции населения, а также коренное изменение форм трудоустройства (распространение индивидуальной предпринимательской деятельности, фриланса) исключили из следственной практики целесообразность изучения личности путем запроса характеристик с места жительства и работы.

Пожалуй, к претерпевшим со временем минимальные трансформации следует отнести поручения о проведении розыскных мероприятий: установлении лиц, совершивших преступление, обстоятельств его совершения и местонахождение похищенного. Отмеченный выше фактор глобализации преступности, расширение ареала совершения преступлений послужили причиной существенного увеличения количества поручений, связанных с производством следственных или розыскных действий в другом месте. Отдельно необходимо отметить тот факт, что даже конкретное единичное преступление в настоящее время с объективной стороны зачастую имеет обширную географию. Так, в случае мошенничеств, совершенных с использованием средств мобильной связи, сети Интернет, а также хищений

безналичных денежных средств, потерпевший в момент совершения преступления может находиться на расстоянии нескольких сотен или тысяч километров от лица, совершившего преступление. Более того, банковский счет, с которого произошло снятие денежных средств, может быть открыт в третьем месте, а снятие наличных произведено в четвертом [3].

Рассматривая вопрос о тенденциях изменения института поручений следователя, связанных с необходимостью проведения следственных и иных процессуальных действий в отличном от места расследования преступления месте, нельзя оставить без внимания предусмотренную статьей 453 УПК РФ возможность внесения органом предварительного расследования запроса об их производстве на территории иностранного государства соответствующим компетентным органом или должностным лицом.

Несмотря на то, что законодателем по этой причине данный способ реализации полномочий следователя выделен в отдельную часть 5 УПК РФ «Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства», не отнеся такие запросы к поручениям следователя, по своей природе, сущности и цели эти институты имеют много общего.

В настоящее время направление компетентным органам иностранного государства запросов о производстве отдельных, перечисленных в УПК РФ, следственных и иных процессуальных действиях, уже не ограничивается кругом уголовных дел о трансграничных преступлениях. Увеличение количества преступлений, совершенных мигрантами, количества граждан РФ, совершивших преступление на территории нашего государства и скрывшихся от следствия и суда за его пределами, а также расширение возможностей для вывода полученных в результате совершения преступлений денежных средств за рубеж, развитие оффшорных территорий являются причиной ежегодного увеличения количества таких запросов.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что эффективность института поручений следователя как инструмента распределения нагрузки, соблюдения разумных сроков расследования, повышения качества следствия

положительно зарекомендовала себя как на практике, так и в научных исследованиях [6, с. 178]. Однако данный способ реализации полномочий следователя в условиях его развития, трансформации целей и задач, требует переоценки, дополнительного научного изучения и совершенствования регулирования законодателем.

Литература

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 31.01.2022).
2. Баев О.Я. Следователь (основы теории и практики деятельности). М.: Прометей, 2017.
3. Бычков В.В. Противодействие организованной преступности: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2021.
4. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1 (37).
5. Гриненко А.В. Взаимодействие следователя и прокурора в новых правовых реалиях // Известия Юго-Западного государственного университета. 2017. № 4 (73).
6. Захарова В.О. Использование инструментов делегирования в следственной деятельности (на примере развития института следственных поручений) // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 1 (7).
7. Поторыкина Е.Ю. Развитие правового регулирования процессуального статуса прокурора в стадии возбуждения уголовного дела // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5.
8. Пушкарев В.В. Теоретико-правовые закономерности уголовно-процессуальных статусов должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.

9. Семенов М.З., Есина А.С. Понятие, основные функции и компетенция прокурора в уголовном судопроизводстве // Современное право. 2008. № 1-1.

10. Соловьев А.Б. Об эффективности норм УПК РФ, регламентирующих деятельность участников уголовного судопроизводства в досудебных стадиях // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 4 (27).

11. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М.: Норма, 2008.

© Бюллетень магистранта 2022 год № 7